

Комментарии свободны,
но факты священны...

Скотт Чарльз
Трестунч,
журналист и
писатель

Наши интервью

Интервью Индиры Ганди*

Дели, 26 сентября 1975 г.

Как Вы оцениваете наследие Н.К. Рериха для Индии и Советского Союза?

Мы очень рады, что между нашими странами существует такое тесное сотрудничество во многих областях: и в экономике, и в науке, и, конечно, в сфере культуры.

Я думаю, что картины Николая Рериха, его рассказы об Индии передадут советским людям часть души их индийских друзей. Я знаю также, что Н.К. Рерих и его семья во многом способствовали тому, чтобы в Индии создалось более полное представление о Советской стране.

Ваше впечатление от встречи Н.К. Рериха и Дж. Неру в 1942 году, где обсуждался вопрос о создании Индо-русской культурной ассоциации?

В 1942 году я вместе с отцом несколько дней провела с семьей Рерихов. Это было памятное посещение одаренной и удивительной семьи, где каждый сам по себе был примечательной личностью с четко

* Печ. по: Держава Рерихов. М.: МЦР. 2004. С. 65.

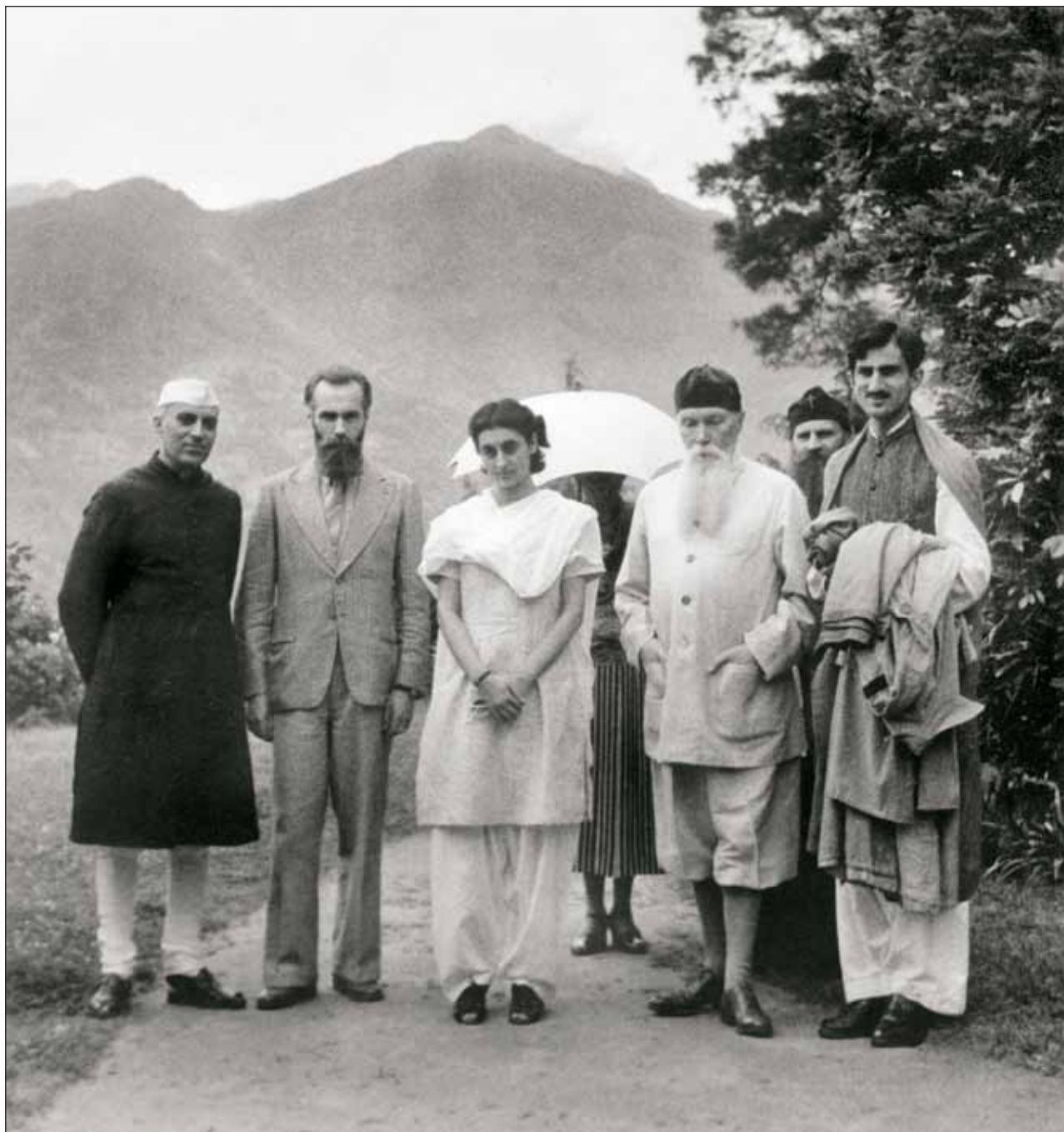
определенным кругом интересов. Мне запомнился сам Николай Рерих, человек обширнейших знаний и огромного жизненного опыта, человек большой души, глубоко проникающий во все, что наблюдал.

Его картины поражают богатством и тонким ощущением цвета. Николай Рерих замечательно передал таинственное величие природы Гималаев. Да и сам он своей внешностью и натурой, казалось, в какой-то степени проникся душой великих гор. Он не был многословен, однако от него исходила сдержанная мощь, которая словно бы заполняла собой все окружающее пространство.

Мы глубоко уважаем Николая Рериха за его мудрость и творческий гений. Мы также ценим его как связующее звено между Советским Союзом и Индией.

Я не присутствовала при его беседе с моим отцом. Однако знаю, что были высказаны идеи и мысли о развитии более тесного сотрудничества между Индией и СССР. Теперь, после завоевания Индией независимости, они получили свое реальное воплощение. И, как Вы знаете, сегодня между двумя нашими странами существуют отношения дружбы и взаимопонимания.

Беседу вела Л.В. Шапошникова

Джавахарлал Неру, Святослав Рерих, Индира Ганди, Елена и Николай Рерихи. Кулу, 1942

Линия жизни цвета Индии

Корреспондент журнала «Культура и время»: Людмила Васильевна, расскажите об Индии. Ведь есть Индия глазами Афанасия Никитина, есть Индия в философии и живописи Рерихов, а Индия в жизни Шапошниковой – какая она?

Людмила Васильевна Шапошникова: Индия у меня – любимая страна, я всю жизнь ею занимаюсь. А вот почему, толком объяснить не могу. Так получилось.

В 1945 году я поступала в Московский университет на исторический факультет. Интересовалась историей, отнюдь не Индией. Тогда это была еще колониальная страна, никаких отношений у нас с Индией не было, и книг об Индии всего ничего. Я пришла в МГУ прямо со школьной скамьи и была уверена, что истфак даст мне знания по всей истории: и по Европе, и по Азии, и по всему миру. И вдруг узнаю, что на историческом факультете есть, оказывается, отдельные кафедры: древняя история, средневековая, новая и новейшая история. Надо выбирать. И тут прозвучало: история Востока... Я пошла записываться на эту кафедру в полной уверенности, что теперь буду знать историю всех стран Востока. Вот такое не совсем грамотное школьное понимание истории. На кафедре мне объясняют: есть арабские страны, есть Китай, Иран, есть Индия, есть еще... начинают перечислять. Говорю: «Индия». Слышу свой голос и думаю: что ты делаешь? И повторяю второй раз: «Индия». Меня зачислили. И с того времени я ни разу не разочаровалась в этой стране. А как это получилось, не знаю.

Позднее, когда я уже сама преподавала на этой кафедре (ее потом вывели в отдельный Институт стран Азии и Африки), проводила собеседование с ребятами, которые собирались поступать в наш институт. И каждый раз, представляя себя на их месте, обливалась холодным потом: господи, если бы меня тогда, в сорок пятом, заставили что-то рассказать об Индии, я бы ничего не могла ответить. Хорошо, что раньше никаких собеседований не было. Я ведь только и знала тогда книжку о Рики-Тики-Тави, там все индийцы были в набедренных повязках изображены...

Первая моя поездка в Индию – это 1958 год. Началась хрущевская оттепель. Не сразу, но все-таки на Индию обратили внимание. Вначале Никита

Студентка пятого курса МГУ Людмила Шапошникова. 1949

Хрущев поехал туда с визитом, потом Неру приехал к нам, зарождались новые отношения между странами. В Индию стали посылать с концертами то «Березку», то ансамбль Моисеева, устанавливались дипломатические отношения, журналисты некоторых газет были там аккредитованы. А до индологов дело все не доходило. И вот наконец в институте мне сказали: вам дается возможность поехать. Я немедленно собрала чемоданы и устремила в Индию. На год. А прожила в ней около десяти лет с перерывами. Год, три года, еще раз три года, и еще месяцы, и еще год... Вот так и получилось.

История в то время переворачивалась, переписывалась так, как хотелось. Индия тоже осмысливалась совсем по-другому, чем это мы делаем сейчас, когда видим ее в реальности. Я занималась рабочим движением в Индии, защищала по этой теме диссертацию. Тему мне назначили на кафедре. В то время мы представляли себе ситуацию так: рабочий класс Индии стоит в авангарде борьбы за независимость. А когда я приехала в страну, то вдруг поняла, что никакого рабочего движения нет и никто у них никогда не боролся за независимость так, как это было принято думать у нас, что в действительности борьбу за независимость возглавляла «проклятая буржуазия», но об этом говорить не стоило бы. Тогда все ставилось с ног на голову. И я поняла – мне это не интересно, зачем мне все эти коммунисты и рабочее движение, когда я встретилась с потрясающей культурой! И я отошла от темы рабочего движения, а заодно и от крестьянского, ко-

торое мне тоже предложили рассмотреть. Духовная культура захватила меня, я в нее нырнула и поняла, что культура эта очень интересна. Она многослойная, она сохранила самые древние реальные корни. И эти корни – племена с древнейшей матриархальной системой организации. Я не могла не написать то, что видела и о чем думала. Так появились книги «Дороги джунглей», «Тайна племени Голубых гор», «Австралоиды живут в Индии», «Мы – курги». Но это было позднее... А пока шел 1958 год.

Руководителем моей диссертации был Алексей Михайлович Дьяков, человек, заслуживающий специального рассказа. Он окончил медицинский институт, и когда у нас в России началась революция, его определили врачом в красноармейскую часть, которую послали в Среднюю Азию драться с басмачами. И там он увидел и узнал Восток, тогда еще сохранялась среднеазиатская культура, это был Памирский регион. Он увлекся обычаями и укладом новой для него жизни, сразу ухватил их язык и очень быстро наладил дружеские отношения с местным населением. И тут в поселок, где стояла воинская часть, ворвались басмачи, захватили Дьякова сотоварищи в плен и повели на расстрел. Вот как мне об этом рассказывали: «Ставят его к стенке, басмачи вздевают ружья – и в это время люди (их собрали, чтобы они смотрели, как убивают красноармейцев) вдруг срываются с мест и загораживают Дьякова от басмачей. Те опускают ружья, снова поднимают, прицеливаются, и так три раза. Короче говоря, не дали расстрелять. Басмачи плюнули и уехали, он остался жив».

В гостях у племени тода. Нильгири, 1964

А потом пришло время Третьего интернационала, штаб-квартира его была в Москве, и все коммунистические партии были объединены под его эгидой, в том числе и индийская компартия (которую организовали мы сами в Индии). Алексей Михайлович Дьяков, мой учитель, встретился с индийцами, и ему так понравились и язык, и люди, и культура, что он стал заниматься Индией. К тому времени, когда наши судьбы пересеклись, он уже был доктором исторических наук, выдающимся индологом.

Так вот, вернулась я из Индии, и через некоторое время он меня встречает и говорит: «Ну как?»

Очень хорошо, отвечаю, интересно. Он: «Угу». И ушел. Потом еще раз встретил: «Где книга?» Я говорю: «Алексей Михайлович, книга-то есть, но она как-то не по теме». Он говорит: «Неси». Через две недели раздается звонок: «Говорят из издательства “Восточная литература”. Алексей Михайлович принес вашу рукопись, мы берем ее для публикации». Так вышла моя первая книга «По Южной Индии».

Из книги «По Южной Индии»:

...Индия – огромная своеобразная страна. Один город не похож на другой, жители севера не знают языка южан, на горных хребтах Кашмира лежит снег, а вечнозеленые кокосовые пальмы на берегу Индийского океана залиты тропическим солнцем...

Я ездила по стране одна, без провожатых и переводчиков. Нередко месяцами не слышала ни одного русского слова. Вокруг были только индийцы. Их жизнь со всем ее своеобразием шла перед моими глазами...

Потом я подумала: надо ехать в Индию к племенам. Специальные командировки в племена не дают. Я решила: поеду в любом качестве. Пред-

ложили преподавать в Мадраасском университете – поехала. И стала «нырять» в племена, благо недалеко, хотя и довольно трудно, и в тяжелые районы.

Корр.: В одиночку?

Л.В.Ш.: Конечно, в одиночку. Только проводник, который знает все тропинки. И пошли племена, одно за другим, и племена эти во мне остались, я поняла, откуда пошла сия земля и все остальное.

Из книги «Тайна племени Голубых гор»:

В октябре в Голубых горах буйно цветет мимоза. Ярко-желтые кисти ее пушистых цветов покрывают деревья и солнечно светятся сквозь тонкую, резную листву. Над зарослями мимозы стоит желтова-

Праздник в Кулу. Фото С.Н. Рефуха. 1972

Встреча со С.Н. Рерихом в 1980 г.

тая дымка, сотканная из лучей солнца и цветочной пыли. Эти заросли яркими пятнами покрывают страну тогда и неугасимо горят в голубизне близких и далеких горных вершин и пиков. Всюду, куда ни бросишь взгляд, на многие мили вокруг тянутся горы. Древние горы тогда – царство солнцеликой богини Текерши...

Наступил момент, когда я встретила со Святославом Николаевичем Рерихом. Индия нас свела, именно в Индии мы познакомились. Юрия Николаевича Рериха я, к сожалению, не знала, хотя он в то время уже вернулся в Москву и работал в Институте востоковедения. Так получилось, что он приехал в конце 1957 года, когда я была в Индии; через два года я вернулась и занялась своей книгой. Знала, что он здесь, в Москве, но как-то не сразу поняла, что должна с ним увидеться, познакомиться. Я тогда еще мало о Рерихах знала. А в 1960 году Юрия Николаевича не стало.

Со Святославом Николаевичем было так. Я прожила в Индии уже три года, но не думала, что надо с ним познакомиться, хотя русские, возвращаясь из Бангалора, говорили: «Ах, ах, ах, Святослав Николаевич!» А я думаю: «Ну ладно, вот я приду и скажу: здравствуйте, я ваша тетя. О чем я с ним буду говорить, только время отнимать». Но потом, видимо, настал момент, когда это надо было сделать:

как будто меня взяли за шиворот и потянули.

В Индию я приехала по случаю вручения нам премии Неру. Это было правительственное приглашение, на высоком уровне. Мы приехали в Мадрас, и тут я вспомнила, вернее, поняла, что надо, надо, почему-то надо к Рериху. Ну и наплевала на всю программу, со мной такое бывает: все слушаются, а я не слушаюсь! Выбила из генконсула, с которым была в дружеских отношениях еще с предыдущей поездки, машину и отправилась в Бангалор, несмотря на расстояние в четыреста километров.

Со мной в делегации был Семен Иванович Тюляев, искусствовед, увлеченный искусством Индии, на весь Советский Союз он был единственный специалист в этом деле. Он подошел и говорит: «Мне сказали, что вы

едете в Бангалор к Святославу Николаевичу. Возьмите меня, он мой друг». (А я Святослава Николаевича ни разу не видела.) «Конечно, – говорю, – с удовольствием, мне очень приятно, что вы его знаете». Тюляев спрашивает: «А вы что, не знакомы с ним?» Ну он был человек деликатный и больше не спрашивал.

В Бангалоре Святослава Николаевича не оказалось, он был уже в имении. Пока нашли имение, пока добрались, приехали очень поздно; это было смешно, набилась целая машина сопровождающих местных жителей, и никто из них, как выяснилось, не знал, где находится имение. Короче говоря, где-то около 12 ночи мы его наконец разыскали, это имение, и я попросила слугу передать Святославу Николаевичу, что приехали русские. Подошли к его резиденции. На веранду поднимались ступеньки, он стоял наверху, Тюляев внизу, а я за его спиной. Святослав Николаевич смотрит на Тюляева и говорит: «Это что такое?» Ну, думаю, сейчас спустит с лестницы. А затеяла-то я, надо спастись положение, выруливаю из-за Тюляева, ну что я могла сказать, я сказала: «Святослав Николаевич, здравствуйте. Я Шапошникова». Он на меня посмотрел и говорит: «Проходите, я вас ждал». Мы пошли с ним в студию, Тюляев остался с Девикой Рани. А около четырех часов ночи нужно было уже ехать обратно, я обещала генконсулу быть утром,

чтобы лететь в Тривандрум: у нас был маршрут, он сказал, если утром не прилетишь, убью. И нужно было уезжать. Святослав Николаевич со мною говорил все эти четыре часа. А Тюляев заснул перед Девикой Рани, он был очень старым человеком. Так и не поговорил со Святославом Николаевичем. Такая вот Шапошникова в Индии...

Корр.: Так что же это – цепь счастливых случайностей?

Л.В.Ш.: Можно ли назвать это случайностью, не знаю. Не могу сказать, что это было. Просто рассказываю о своих ощущениях.

В конце 1980-х годов наступил очень тяжелый период в отношениях с Индией, именно Святослав Николаевич пытался как-то поддержать и наладить их. Он думал о том, что надо организовать музей, передать наследие родителей в Россию, как они завещали. Советский Союз распался в 1989 году, и люди, которые нами управляли, занимались набиванием собственных карманов, у них был свой уклон: «Ах, ах, Запад, поедем на Запад, в Америку, все сделаем как в Америке». Индию забыли. Святослав Николаевич прислал письмо «Медлить нельзя», где предлагал найти помещение для музея, и тогда он передаст наследие Рерихов сюда, в Россию, и в этом письме директором назначил меня. Я была в шоке. Думала, только этого не хватало, я же не музейщик, я индолог. Короче говоря, я его чуть не обругала за это. Говорю ему по телефону: «Святослав Николаевич, да что же вы придумали?» Он отвечает: «Я придумал правильно». «Но я не могу, я же работаю и занимаюсь совсем другими делами...» В общем, смысл разговора был такой: а кто же, если не вы. Он сказал: «Даю вам две недели на размышление». Я поняла, времени слишком мало, нужно решаться. В конце концов, попробую, посмотрю, что получится... Связалась со Святославом Николаевичем и сказала, что раскручу это дело, а потом пусть сами работают. Ну вот и раскручиваю до сих пор.

Корр.: Индия открыла Вам Рерихов, а они открыли для Вас Дело всей жизни.

Л.В.Ш.: Получается, что так. Постепенно я стала понимать, что это действительно главное дело моей жизни, и именно потому, что я индолог, что я знаю Индию, знаю, что делали в Индии Рерихи, как все это происходило и для чего это происходило. И подумала, раскрутить-то я раскрутила, а теперь надо делать. И начала делать.

Корр.: А почему таким абсолютно русским людям, как Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи, почему им так близка стала Индия? Ведь они же большую часть жизни там прожили?

Л.В.Ш.: Двадцать лет они прожили, вернее, тут у них разница есть: Николай Константинович умер в 1947 году, а Елена Ивановна в 1955-м. Они

приехали в двадцать третьем; если вычтешь четыре года Центрально-Азиатской экспедиции, получается больше двадцати лет.

Корр.: Откуда у Рерихов такая любовь к экзотической, далекой от России стране?

Л.В.Ш.: В начале Серебряного века, когда начиналась Духовная революция в России, очень многие интеллигентные люди, особенно творче-

«Это главное дело моей жизни...»

Рерихи во время путешествия по Индии. 1923

ские, интересовались Индией, ее философией, ее культурой, ее религией. В это время появились переводы буддийских источников, переводы по индийской философии, в частности, таких выдающихся философов, как Вивекананда и Рамакришна. Елена Ивановна и Николай Константинович так или иначе совпадали и дополняли друг друга в своих творческих предпочтениях и пристрастиях. Елена Ивановна в основном интересовалась духовной культурой Индии. Индия – одна из стран, которая за время своей истории сохранила культуру и культурную преемственность. Это очень важно, потому что есть целые культуры и народы, которые исчезли, например: Древний Египет, древний Шумер. Сегодня нет уже ни носителей той культуры, ни самой культуры – она оказалась под землей, только археологи пытаются обнаружить следы бывших цивилизаций. Индия же сохраняет живую культуру с древнейших времен, она представляет собой, я бы сказала, огромный музей под открытым небом, где

каждый человек есть носитель древней культуры, которая в значительной мере связана с космическими идеями.

Наиболее ярко выразилась связь Рерихов с подобными явлениями и с подобным миром в 1916 году; тогда Николай Константинович назвал одну из своих работ «Индия зовет». Его интересовал общий исток индийской культуры и культуры славянской, русской. Дело в том, что исторические источники, где можно узнать о древнейших культурах, зарождались еще в период индоевропейской общности, пять тысячелетий тому назад. И Николай Константинович, сравнивая эти источники, предположим, Книгу Голубиную с источником Ригведы индийской, находил в них много общего. А что за этим стояло, какой у них был общий источник? Вот он пытался его найти. Он собрал большой материал, который подтверждает общность культуры как таковой, индийской и славянской, или впоследствии русской. Потому что славяне – часть индоевропейской общности,

Ладак. Древнее святилище Лхато. Фото Л.В. Шапошниковой. 1970-е гг.

русская нация выделилась из всего этого. С моей точки зрения, найти какой-то земной источник очень трудно, наша культура начиналась с источников космических, с информации других миров и потом развивалась в общую индоевропейскую концепцию, а когда народы стали разделяться, уже получились следы этих идей и этой культуры в каждом из индоевропейских народов. Вот такая интересная вещь.

Корр.: А почему Рерихи, прожив так долго в Индии, интересовались буддизмом, а не индуизмом?

Л.В.Ш.: Они не только буддизмом интересовались, но и индуизмом. Что касается буддизма, я должна сказать, это же не религия, это философия. И они как раз интересовались буддизмом как философией. Это потом стали потихонечку превращать буддизм в религию. На самом деле Будда был прежде всего философом.

Это достаточно сложная тема, если ее развивать. Духовные, религиозные, философские

учения имели так или иначе один космический источник, и идеи, которые были заложены в этих учениях, повторялись, меняли только форму, а существо оставалось тем же самым. Если мы возьмем эпоху мифологического мышления, то его космогоническая основа практически предваряет последующие учения, в том числе и Живую Этику, особенно в вопросах о происхождении Вселенной, о роли человека во Вселенной, о необходимости обретения им космического сознания и т. д.

В космической эволюции культура Индии играла важнейшую роль, поэтому Рерихов и тянуло к Индии. Здесь важно учитывать связь Рерихов с группой Учителей, которые потом в сотрудничестве с Еленой Ивановной создали Живую Этику – философию космической реальности. Все творчество Николая Константиновича пронизано этой философией, в любой картине мы находим связь с ее идеями. Учение Живой Этики выражено в искусстве, и это очень важно, потому что ис-

Н.К. Рерих. *Весть Тирону*. 1940

куство земное в конечном счете есть отражение искусства космического, искусства Творца, творчества эволюционных космических сил.

Из книги «Великое путешествие»:

Великий Гималайский хребет уходил от Джамму на юго-восток. Бирюзовый Ченаб тек параллельно ему, а затем, пробившись сквозь снега и ледники, кружил около хребта Дхаул-Дхар. За ним начиналась еще одна горная страна. Она состояла из узких долин, через которые текли реки Равви, Беас, Сатледж. Страна называлась Химачал Прадеш, а ее долины носили звучные древние имена: Чамба, Кулу, Лахул, Спити, Кангра. В прошлом, когда еще не было современного штата, долины были поделены между княжествами. А весь горный край именовался Дев Бхуми – Земля богов. <...> В Земле богов, а именно в долине Кулу, прожил свои последние восемнадцать лет человек, по следам которого я шла через Гималаи. Он там путешествовал, делал наброски и создавал свои незабываемые прекрасные картины. В них он отобразил горы, снега и небо Страны богов так, как он понимал ее и чувствовал. И в каждой картине его ощущалось присутствие тайны, ведомой только ему.

Корр.: Можно ли назвать полотна Рериха картинами-сказаниями?

Л.В.Ш.: Да. Это очень интересный момент. В двадцатые годы Николай Константинович сделал несколько серий картин, связанных, без всякого сомнения, с философскими идеями Живой Этики. Эти картины создавались Николаем Константиновичем и на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Это были большие полотна, перевозка их была сложным делом, – значит, за этим, за каждой

работой, что-то еще стояло, как и за эволюционным характером самой экспедиции, конечно. У нас в музее, в зале Живой Этики, есть несколько картин серии «Знамена Востока». Они посвящены духовным Учителям и духовным творцам, которые были связаны с космическими идеями и космической информацией. Эта информация содержалась в каждом учении, пришедшем человечеству. Христос, Мухаммед, Лаоцзы, Падмасамбхава, Конфуций – все они работали на Земле, были земными творцами космической эволюции, и их духовные откровения свидетельствуют о том, что они имели высокую связь с мирами иного состояния материи. Потому что и культура наша, и наши духовные достижения – это часть Космоса.

Индия – страна, которая все время держалась этого направления – космической философии, и вся культура этой страны строилась на духовной основе. Еще одна серия картин Николая Константиновича называется «Его страна». Он писал ее на Сиккимском маршруте, и посвящена она была Учителю. «Гуру-Гури Дхар» – дорога Учителя Учителей, «Ведущая», «Жемчуг исканий» – это все духовные вехи, которые связаны с философией Живой Этики.

И третья, очень интересная на мой взгляд, серия – «Майтрейя», предвещающая приход будущего духовного Учителя. Эту серию Рерих в 1926 году подарил России, или, вернее, Советскому Союзу. Советский Союз с этим даром обошелся очень непроницательно, и только благодаря Горькому серия была спасена. Наш пролетарский писатель, кстати, был по части проницательности человек очень интересный. Он договорился с музеем в Нижнем Новгороде, у себя на родине, что они возьмут эту серию, иначе картины затеряются на каких-нибудь складах. Взяли. И сегодня вся серия находится там. Пока. В искусстве Николая Константиновича много пророческого. В частности, была у него такая картина «Весть Тирону». Тирон – историческая личность, один из первых христиан, которому сообщили о том, что его должны убить те, кто преследовал христианство. Тирон не поверил и был убит. Вот принципиальная схема, которая ждала Россию, Советский Союз. Не поверили – и вот такое несчастье случилось. Война.

Корр.: А на Индию творчество Рерихов оказало какое-то влияние?

Л.В.Ш.: Конечно, оказало. Потому что это было близко им. И картины Рериха были им близки, и то, что писала и делала Елена Ивановна.

Рерихи работали не только на уровне духовном или на уровне искусства, они активно действовали в реальной земной жизни. У Николая Константиновича и у Елены Ивановны было стремление содействовать установлению дружеских взаимоотношений между Индией и Россией. В 1942 году – это еще колониальная Индия – руководитель национально-освободительного движения за независимость страны Джавахарлал Неру вместе с дочерью Индирой (тогда она еще не была Ганди, это была девочка шестнадцати лет) приезжает в долину Кулу. Неру очень долго беседует с Еленой Ивановной и приходит к выводу, что они единомышленники. Неру был индийским философом, а Елена Ивановна участвовала в создании Живой Этики, систематизируя материал, который ей сообщал Учитель. Беседовал он и с Николаем Константиновичем, они говорили о том, что необходимо создать индо-российскую культурную ассоциацию. Таким образом, Николай Константинович и Елена Ивановна были первыми, кто обсуждал практические вопросы культурного взаимодействия наших стран. Судя по письмам и дневникам тех лет, Рерихи уже знали, что они имеют дело с двумя будущими премьер-министрами. И действительно, Неру стал премьер-министром сразу после того, как Индия в 1947 году получила независимость, а через некоторое время этот пост заняла уже Индира Ганди.

В 2004 году, когда мы приехали с делегацией в Индию, чтобы принять участие в торжествах, посвященных 100-летию Святослава Николаевича Ре-

риха, нас, Юлия Михайловича Воронцова и меня, пригласил на встречу премьер Сингх. Юлий Михайлович был в свое время послом в этой стране и очень много сделал для индо-советских отношений, в Индии его высоко ценили. Премьер нас пригласил вдвоем, мы пришли и, естественно, начали беседу с Рерихов. Сингх подхватил эту тему и четко сказал, что Рерихи, – это сказал премьер Индии, официальное лицо, – это культурный мост между Россией и Индией. Они сделали очень много, чтобы сблизить наши страны. А вы, сказал он, имея в виду нашу организацию, Международный Центр Рерихов, подхватили эту эстафету.

Из статьи «...Через красоту имеете Свет»:

Мне запомнился один из моих последних визитов в Бангалор в апреле – мае 1992 года. Несмотря на некоторое недомогание, Святослав Николаевич был активен, общителен и охотно шел на всякого рода интервью. Я же обсуждала с ним разные вопросы, связанные с работой Международного Центра Рерихов, рассказывала о тех трудностях, с которыми пришлось нам столкнуться в наше очень непростое время.

– Ничего не бойтесь, – сказал он. – Идите вперед, не оглядываясь. Все будет хорошо. Помните, все мы работаем для Будущего. Не огорчайтесь кратковременными неудачами. Думайте всегда прежде всего о Будущем...

**С Людмилой Васильевной Шапошниковой
беседовала Галина Смоленская**

Встреча с премьер-министром Индии Монмаханом Сингхом в дни празднования 100-летия со дня рождения С.Н. Рериха

Россия — Индия: звездный час дружбы

Евгений Петрович Челышев был в числе первых советских деятелей науки и культуры, удостоенных Международной премии имени Джавахарлала Неру. Эта премия была учреждена журналом *Soviet Land*, который издавался при посольстве СССР в Индии и распространялся в Дели, Бомбее, Калькутте, Мадрасе. До 1967 года премия присуждалась лишь индийцам за вклад в развитие дружественных связей между СССР и Индией. Но с 1967 года в числе лауреатов появились русские имена. В 1968 году лауреаты премии из СССР были приглашены в Индию, чтобы получить премию из рук дочери Пандита Неру — Индиры Ганди. Среди поэтов и писателей, удостоенных этой почетной награды в последующие годы, были Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов. Этой премией был награжден и Святослав Николаевич Рерих — за выдающиеся заслуги перед Россией и перед Индией, которая стала его второй родиной.

14 ноября 2009 года исполнилось 120 лет со дня рождения Джавахарлала Неру. Шестидесятые годы прошлого века Евгений Петрович Челышев вспоминает как время надежды и общего ликования: «В те годы мне приходилось слышать в Индии много вдохновенных стихов и песен, пронизанных радостным ощущением обретенной независимости, романтикой созидательного труда, которые связывались с именем Джавахарлала Неру!»¹ И цитирует поэта Шивмангала Синха Сумана: «Воды моря Ганди отвести мы сумеем в сеть каналов Неру...»

О себе Евгений Петрович говорит немного, больше о тех, с кем связаны годы его жизни, об учениках, друзьях, родных и близких людях, о тех, кто остался в памяти наиболее глубокий след.

— Я окончил институт по специальности индология и занимался ею всю жизнь в Академии наук. Проработал 30 лет в Институте востоковедения, заведовал отделом литературы народов Востока, опубликовал много книг по индологии. И мне очень приятно, что на склоне лет индийцы избрали меня почетным членом Литературной академии Индии. Первым президентом Академии был Джавахарлал Неру. Когда я впервые с ним встретился, он уже был в этом качестве, а я был тогда

молодым кандидатом наук, одним из первых индологов, который активно владел языком хинди. В 1955 году впервые посетил Индию в составе делегации Советского комитета защиты мира, которую возглавлял Николай Семенович Тихонов. Мне приходилось выполнять функции переводчика на высоком уровне, сопровождая Алексея Николаевича Косыгина; когда он выступал на больших собраниях перед индийским народом, я переводил на хинди его речь: английский язык простые индийцы понимали тогда еще меньше, чем сейчас; сейчас они более продвинуты в этом отношении.

Двадцать лет я заведовал кафедрой индийских языков в Институте международных отношений. Мы обучали студентов языкам хинди, урду, бенгальскому, тамильскому, сингальскому, тем языкам, которые знают теперь многие наши дипломаты, закончившие индийское отделение. Мои студенты — это изучивший сингальский язык Сергей Лавров, министр иностранных дел; Александр Кадакин, в течение многих лет он был послом в Индии, сейчас снова занимает этот пост, — его я обучал языку хинди. Александр Алексеев, бывший заместитель министра иностранных дел, тоже был послом в странах Юго-Восточной Азии. Анвар Азимов, тоже мой ученик, в течение многих лет работал в дипломатическом корпусе в Индии и в сопредельных странах. Вячеслав Трубников, бывший посол в Индии, тоже был моим студентом в МГИМО. Все они входят в школу Челышева и ныне покойного Семена Моисеевича Дымшица, доктора филологических наук, профессора, долгие годы после меня заведовавшего кафедрой индийских языков МГИМО, моего близкого друга и соратника.

Мне посчастливилось почти до самой его кончины общаться с Джавахарлалом Неру, бывать у него в гостях в Дели, в Тримурти Хаус, где сейчас располагается музей его имени. Многие годы я был президентом Советско-индийского, а затем Российско-индийского общества культурных связей и в этом качестве общался с премьер-министром Индии Индирой Ганди и ее сыном Радживом Ганди, тоже возглавлявшим в свое время правительство страны.

¹ Челышев Е.П. Памяти Джавахарлала Неру. Времен связующая нить. Статьи. Воспоминания. М.: Наследие, 1998. С. 598.

Е.П. Чельшев и Мирзо Турсун-заде на встрече с премьер-министром Индии Индирой Ганди. Дели, 1968

Хотелось бы упомянуть здесь моих друзей и соратников, внесших большой вклад в наше сотрудничество с Индией: Валентину Владимировну Терешкову, бывшую многие годы президентом Союза советских обществ дружбы и культурных связей, к которой с любовью и уважением относятся индийцы, а также наших дипломатов, в первую очередь много сделавших для укрепления российско-индийских связей Н.А. Бенедиктова, Ю.М. Воронцова, А.М. Кадакина, и, конечно, министра строительства предприятий тяжелой индустрии СССР Н.В. Голдина, строителя Бхилаи.

В то утро в Ленинград отправлялся поезд Советского комитета защиты мира. В Ленинграде должны были отмечать полувековой юбилей Декрета о мире, который был одним из первых документов, подписанных сразу после Октябрьской революции. Я еще не читал с утра газет, сидел в купе вместе с нашим замечательным кинорежиссером Александровым, который поставил фильмы «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк». Мы пили с утра пораньше чай, и в это время в купе с «Правдой» вошел Анатолий Софронов, писатель, и гово-

рит, обращая ко мне: «С тебя причитается! Николая Семеновича Тихонова я уже поздравил, он тоже этим поездом едет, и из моих знакомых еще ты». По этому случаю достали мы бутылку коньяка, и в поезде, в котором ехали в Ленинград на празднование Декрета о мире, обмыли присуждение премии Джавахарлала Неру.

Когда мы вернулись в Москву, меня вместе с другими лауреатами пригласили в министерство культуры и сказали, чтобы мы оформляли документы в Индию. В том году поездка не получилась, поехали на следующий год. Делегация была большая. Вот передо мной журнал Soviet Land. Значение, которое придавалось этой премии, и ее популярность очевидны из того факта, что почетными сопредседателями комитета по присуждению премий являлись с индийской стороны премьер-министр Индии госпожа Индира Ганди, а с советской – председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин.

Жюри работало под председательством министра культуры СССР Екатерины Алексеевны Фурцевой; с индийской стороны в работе жюри принимали участие посол Индии в СССР Кеваль Сингх,

тоже яркая фигура, и президент Общества индосоветских культурных связей господин Кумар Падма Шивасанкар Менон – долгое время он был послом Индии в Советском Союзе и в этом комитете был одним из главных действующих лиц.

С советской стороны в жюри входили: от Союза советских писателей Алексей Сурков; президент Общества советско-индийских культурных связей академик Николай Васильевич Цицин; секретарь Союза журналистов СССР Чернышев; главный редактор журнала «Иностранная литература» Борис Сергеевич Рюриков, он играл очень активную роль в жюри, индийцам эту премию вручал он и все время настаивал, что надо вручать и нашим. Был в составе жюри директор Института народов Азии академик Бободжон Гафуров, в то время знаковая фигура. А секретарем иностранной комиссии Союза писателей СССР была Мириам Львовна Салганик², которую я считаю создательницей школы перевода с индийских языков на русский.

Помню, в 1955 году я только что вернулся из Индии, и мне сказали, что оттуда к нам едет 70 человек – общественные и культурные деятели. Они проедут маршрутом, которым потом поедет Неру. От Комитета защиты мира я был руководителем группы. Мы поехали в Душанбе, в Сталинград, в Ленинград, для меня это была интересная ознакомительная поездка. Когда им рассказывали, как мы живем, я все время говорил: только лапшу на уши не вешайте, ради бога. Индийцы очень хорошо понимают, что у нас не какой-то рай и реки молочные текут везде, ешь и пей! Мы помогаем им не потому, что очень богаты, а даем, отрывая от себя. Я все пытался их настроить на этот лад: показать, что друзья – не только от избытка, а иногда делятся самым необходимым.

Мириам Львовна моложе меня, она в это время была на последнем курсе Института востоковедения, хорошо знала языки урду, английский, училась в Ташкенте. И у нее приблизительно по

тому же маршруту проехала другая делегация, с Радж Капуром и его фильмом «Бродяга». С ним были Наркис³, писатель Ахмад Аббаз, автор сценария «Бродяги» и других фильмов. Я потом сказал Салганик: «Мы вместе помогли открывать для Советского Союза Индию. Я по общественно-политической линии, вы по культурной». С тех пор Радж Капур стал у нас самым знаменитым индийцем. И Наркис ассоциировалась с красотой индийской женщины. Я бывал у них дома в Бомбее, и они меня встречали как близкого человека.

Евгений Петрович отзывается о людях, с которыми его сводила судьба, непременно в превосходной степени: яркий, достойный, незаурядный, выдающийся, – что свидетельствует о неизбывной доброжелательности его натуры. О своих спутниках в тогдашнем визите, об их заслугах перед культурой Советского Востока и Индии, о том, что значил в те годы опыт социали-

Премьер-министр Индии Индира Ганди и Л.В. Шапошникова. Дели, 1968

² Салганик Мириам Львовна – индолог, переводчик индийской литературы, награждена премией «Падма Шри».

³ Наркис (Наргиз) – знаменитая индийская актриса, долгое время работала вместе с Радж Капуром. Первая артистка, награжденная премией «Падма Шри». Премия учреждена индийским правительством и присуждается гражданам Индии за выдающийся вклад в искусство, образование, промышленность, литературу, науку, спорт и общественную жизнь.

Премия имени Дж. Неру
За Укрепление Индо-Советской Дружбы

Настоящим Дипломом Награждается Шапошников
Л. В. за выдающийся вклад в дело укрепления
Индо-Советской Дружбы в 1967 году.

Москва

Посол Индии

(KEWAL SINGH)

Председатель
комитета по
премии имени Дж. Неру

भारत-सोवियत मैत्री के लिये नेहरू पुरस्कार

भारत-सोवियत मित्रता के संबंध में, विशेष रूप से सन् १९६७ के दौरान उनके श्रेष्ठ योगदान के उपलक्ष में प्रशस्ति-रूप यह प्रमाण-पत्र Шапошников
Л. В. को प्रदान किया जाता है।

माफको

भारत के राजदूत

(KEWAL SINGH)

अध्यक्ष
नेहरू पुरस्कार समिति

Премия, медаль и диплом имени Дж. Неру за укрепление индо-советской дружбы, врученные Л.В. Шапошниковой

стической Азии для новой Индии, он говорит с уважением и любовью. И, как ни странно, из его образного рассказа о далеком крае, об Индии возникает образ собственной страны, и этот образ окрашен в радостные, солнечные оттенки.

– Осенью 1968 года мы отправились в Индию, в Дели. Поэт Тихонов, поэт Турсун-заде, поэтесса Зульфия, художник Чуйков, индолог Чельшев, искусствовед Тюляев, журналист Бенюх и журналистка Шапошникова – так были обозначены в списке делегации наши профессии, но, конечно, условно: вряд ли Шапошникову можно было назвать только журналисткой.

Отправились мы 14 ноября, в день рождения Неру. Нам разрешили поехать с женами и родными, и я взял свою жену Елену Владимировну, которая посвятила свою жизнь мне, моей работе и тоже прекрасно знала Индию. Делегация отправилась в путь не в полном составе: Тихонов не смог поехать. О Николае Семеновиче Тихонове⁴ я должен непременно сказать, потому что он незримо присутствовал в этой поездке. Это был действительно выдающийся писатель и поэт. Известна его блокадная поэзия, он всю блокаду провел в Ленинграде, работал на радио; замечательный переводчик, много переводил советских писателей, пишущих на восточных языках, один из наиболее видных представителей старшего литературного поколения. В 20-е годы у него вышли знаменитые книги «Орда» и «Брага», где отражена революционная стихия. Он активно занимался налаживанием советско-индийских отношений, возглавлял первую делегацию наших писателей еще до того, как Индия получила независимость, до 1947 года. И писал

об Индии много. У него есть совершенно замечательный рассказ «Сами», про мальчишку индийского, которого избивает английский хозяин... У Сами постепенно начинают раскрываться глаза на действительность. Он понимает, что белый, который больно бьет его стеклом, его английский хозяин, – чужак и должен уйти с его земли.

Тихонов жил в доме, который всем известен как «Дом на набережной». Я много с ним общался, бывал у него, помню большие неразобранные архивы, в папках лежали еще дореволюционные материалы, он приглашал к себе, потому что надо было помочь их разбирать. Потом я сделал первую публикацию в журнале *Soviet Land* ранних стихов Тихонова, которые он написал еще в годы юности, ему было лет 15–16. Он тогда очень интересовался Индией. Стихи эти он никогда не публиковал, говорил, «они же слабые, детские». Я ему сказал: «Вот это-то и интересно, что вы первые свои юношеские стихи посвятили этой теме, описали своего Сами, мальчишку, который говорит, что не откажется от своих убеждений, своей веры и готов за них умереть».

Помню отрывки одного из первых стихотворений, посвященных индийской теме, его он написал под влиянием картины Верещагина «Английская казнь в Индии». Пушки, к пушкам привязаны восставшие против англичан индийцы, – англичане их так казнили, привязывали к пушке и расстреливали. Подъезжает офицер к молодому парню, повстанцу: «Откажись от своей веры, и мы тебя освободим». А тот говорит: «Сахиб, я сражался за веру свою, Сахиб, я не дрогнул в жестоком бою, Сахиб, да будет солнце алеть, Сахиб, я сумею таким умереть». В архиве Тихонова нашлось действительно много таких вещей, которые говорят, что его любовь к Индии проявилась очень рано. Это был человек высокой культуры, высокого профессионального уровня, замечательный лирик, поэт с четкой патриотической позицией. Я считаю, что Тихонову принадлежит большая заслуга в установлении

Премьер-министр Индии Индира Ганди и Е.В. Чельшева. Дели, 1968

⁴ Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – ученик Н.С. Гумилева, советский поэт и писатель, публицист, общественный деятель. С 1949 года – председатель Советского комитета защиты мира, с 1950-го – член Всемирного совета мира. Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской премии.

Индира Ганди, Л.В. Шапошникова и Зульфия Исраилова. Дели, 1968

и развитию культурных связей между Россией и Индией.

Возглавлял нашу делегацию Мирзо Турсунзаде⁵, таджик, он с Тихоновым впервые ездил в Индию в составе делегации 1946 года и тогда написал стихотворение «Висячий мост над Бомбеем», перевела его на русский язык Аделина Ефимовна Адалис. За цикл стихотворений, который так и назывался «Висячий мост над Бомбеем», и за переводы индийской поэзии он первым из поэтов национальных республик, вообще советских поэтов получил Сталинскую премию.

В состав нашей делегации входила Зульфия⁶, очаровательная тогда молодая дама, поэтесса. Она тоже очень много занималась индийской темой, у нее были замечательные переводы. Одно из ее стихотворений называлось «Мушаира». Мушаира – это традиционное состязание индийских поэтов. Во время нашего визита она часто принимала

участие в таком состязании: поэты читали свои стихи, и тут же знатоки и публика их оценивали. Все воспринимали это очень эмоционально – радостными выкриками, приветствиями, восхищаясь какой-то особенной рифмой или красивым поэтическим образом. Это были даже не собрания, а традиционные объединения поэтов по интересам. И Зульфия в своем стихотворении так представила эту мушаиру, как будто собрались поэты из всех освобождающихся и освобожденных от колониализма стран Азии, и каждый выражал свои мысли, идеи, связанные с нарастающим движением за обретение национальной независимости. Она использовала эту форму мушаиры для того, чтобы показать, что многовековые традиции сегодня живы. Они объединяют всех поэтов, которые выступают за дружбу между народами, за освобождение от империализма, за мир во всем мире. Стихотворение было очень популярно, пе-

⁵ Турсунзаде Мирзо (1911–1977) – таджикский советский поэт и писатель, общественный деятель, народный поэт Таджикистана, член АН Таджикской ССР. Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской премии.

⁶ Зульфия (Зульфия Исраилова) (1915–1996) – советская узбекская поэтесса, народная поэтесса Узбекистана. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

реводилось на многие языки, в том числе на русский. В нашей делегации Зулфия представляла узбекскую литературу и выступала очень ярко.

В составе нашей делегации был Семен Афанасьевич Чуйков⁷, тоже очень интересный человек. Его детство и юность прошли в Средней Азии. Это был крупный мастер, член Академии художеств, для него Восток был местом жительства и призванием. У него был большой цикл художественных работ о человеке пробуждающегося Востока. Везде, куда мы приезжали, он показывал свои картины, и на них были изображены люди не только Советского Востока, прежде всего Киргизии, но и индийцы. Например, молодой парень кули, забитый – вроде Сами, которого Тихонов изобразил, но в глазах у него, в жестах, во всей его фигуре видно, что этот человек готов разогнуть спину и бороться за свободу. Помню картину «Песнь кули» – кули поет, играет на бансури, это такая трубочка, и рядом индийская девушка положила ему руку на плечо. Когда мы показывали картины, Закир Хусейн, тогда президент Индии, мусульманин, сказал: «Благодарю вас за добрые чувства к нашей стране, которые так ярко выражены на ваших картинах». Недавно в Академии художеств я вновь увидел эти картины, почти полвека спустя. Чуйков давно ушел из жизни, но творчество его осталось. Он был важным персонажем нашей поездки, и то, что он взял с собой картины, было очень хорошо. Один из зрителей написал о них в книге отзывов: «Ваши картины – точно свежий ливень, который мы так ждем всегда в засуху. Потому что засуха – это влияние западного модернизма, который сейчас нахлынул на Индию. И вдруг мы увидели изображение человека, реалистическую картину жизни – это освежающая влага после долгой засухи».

Семен Иванович Тюляев⁸, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, начал изучать Индию в Институте востоковедения, куда поступил в 1922 году, когда я только появился на свет. Тюляев посвятил этой стране, ее искусству всю свою жизнь. Есть у него большая книга о миниатюрах и рукописи «Бабур-Наме»⁹ с разбором этого периода в искусстве Индии – к сожалению, сейчас такое скрупулезное изучение народного искусства большая редкость.

Был в составе нашей делегации еще один незаурядный человек – украинец Олесь Петрович Бенюх¹⁰. Он работал в Дели, в 1959 – 1967 годах был главным редактором журнала Soviet Land, участвовал в определении индийских деятелей культуры, достойных премии имени Неру, и все время находился в компании ближайших наших друзей, тех, кто в Индии создавал образ нашей страны. Поэтому его вклад в работу по присуждению премии имени Джавахарлала Неру чрезвычайно важен. Это были именно те люди, которые заслужили награду своей общественной деятельностью или писали книги, переводили нашу литературу. Среди них были и художники. Он все делал для того, чтобы они попали в состав делегации. Бенюх играл чрезвычайно позитивную роль, я часто его вспоминаю. Сам он писал художественные произведения, разные по качеству, я бы не сказал, что они были выдающимися, некоторые из них были фантастическими. Его многолетний труд по отбору претендентов на премию имени Неру с индийской стороны трудно переоценить.

О Л.В. Шапошниковой Чельшев говорит с особым теплом. Из рассказа видно, что Людмила Васильевна за прошедшие десятилетия сохранила и приумножила свои лучшие качества: стремление к познанию, предельную самоотдачу, преданность делу, любовь к индийской культуре и потрясающее жизнелюбие.

– Людмила Васильевна Шапошникова посвятила всю свою жизнь Индии, как и я, мы с ней в этом отношении очень близки. Ей было тогда тридцать с чем-то, она впитывала в себя все, что видела интересного, – и сразу же бросалась туда, записывала, снимала. Всегда была насыщена эмоционально, у нее постоянно было радостное оживление, с утра до вечера с кем-то встречалась, потом что-то писала, вокруг нее всегда были люди. Она просила устроить индивидуальные программы, чтобы встретиться с тем, и с другим, и третьим! И люди выходили на нее, ее знали, знали ее работы – уже тогда она собирала материалы, касающиеся наследия семьи Рерихов. Потом она стала рериховедом номер один, а тогда я видел, как она набирает силу и радостно впитывает в себя

⁷ Чуйков Семен Афанасьевич (1902–1980) – советский художник, народный художник СССР, действительный член АХ СССР, дважды лауреат Сталинской премии; основоположник современного киргизского изобразительного искусства. Особую роль в его творчестве сыграли впечатления от поездок в Индию.

⁸ Тюляев Семен Иванович (1898–1993) – искусствовед-индолог, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Международной литературной премии имени Дж. Неру. Автор статей об С.Н. Рерихе, многочисленных работ по искусству Индии, Напала, Бангладеш, Шри-Ланки.

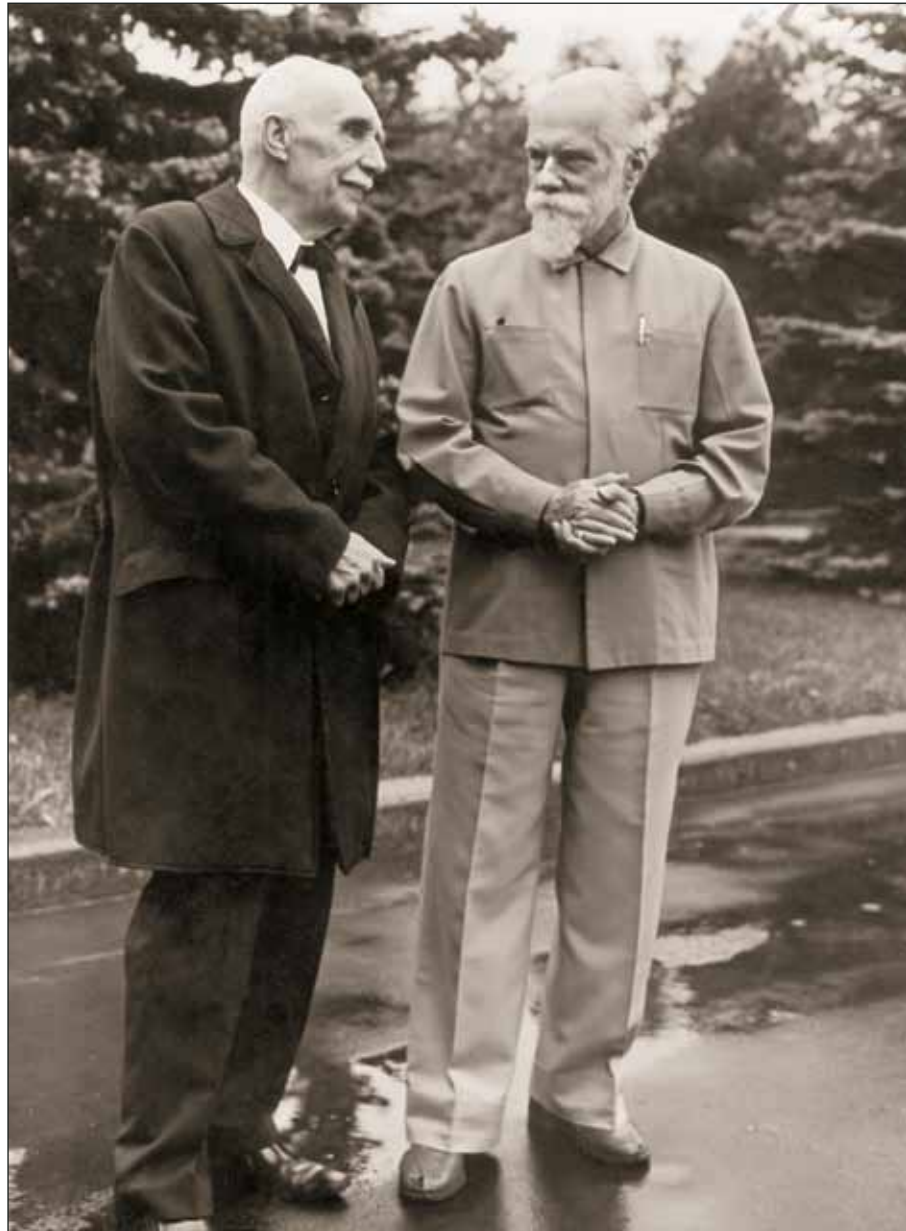
⁹ «Бабур-наме» («Книга Бабура», или «Записки Бабура») – воспоминания Захир ад-дина Мухаммеда Бабура (1483–1530), основателя Империи Великих Моголов, дальнего потомка Тимура.

¹⁰ Бенюх Олесь (Олег Петрович) (1928) – с 1959 по 1967 год – главный редактор журнала Soviet Land; с 1983 по 1989-й – советник посольства СССР в США и главный редактор журнала Soviet Life. Лауреат Международной литературной премии имени Дж. Неру. Автор многих книг, в том числе об Индии.

все, что видит, пропускает все это через свое сердце. Скажу прямо, в своем мировосприятии, в своих духовных ориентирах я нахожусь под сильным влиянием величайших индийских умов прошлого – Калидасы и Тульсидаса, Галиба – и современности, особенно мыслителя Свами Вивекананды, Рабиндраната Тагора и Сурипанта Трипатхи Ниралы, это великие поэты так называемого индийского религиозного символизма. А для Шапошниковой на первом месте – Агни Йога, работы семьи Рерихов. Ее первые контакты в Индии – Локеш Чандра, сын Рагху Вири, известного ученого, лингвиста, культуролога национально-патриотического склада, он также встречался с ней. Локеш Чандра многие годы остается членом индийского парламента, любит Россию, поддерживает связи с учеными. Когда после росовской клеветы¹¹ началась борьба за правду о Николае Константиновиче Рерихе, он участвовал в ней со стороны индийцев, писал полные возмущения письма, поддерживая покойного ныне Воронцова, Шапошникову и меня. И мне писал письма, чтобы я делал все от меня зависящее. Изнурительная борьба за правду о Рерихе, как известно, ускорила кончину Ю.М. Воронцова, стоила и мне чуть ли не инфаркта. А Людмила Васильевна – стойкий боец, человек с сильным характером, она не отступит от правды, будет бороться за правое дело до конца.

Все эти качества ее я распознал уже тогда, почти 50 лет тому назад, когда мы с ней путешествовали по Индии. Я видел, как складывался ее характер, пробуждается любовь к Индии, к индийской культуре, стремление познать как можно больше. Она стала крупным ученым своего направления; можно соглашаться или не соглашаться с ее взглядами, многие ее идеи представляются интересными и плодотворными.

Она дала мне недавно интересные материалы о Владимире Соловьеве. Я занимаюсь Владимиром Соловьевым в связи с именем Узкое, выходит вторая книга с моим предисловием «Имение Узкое и Владимир Соловьев». Взгляды Соловьева перекликаются с Агни Йогой, с космизмом, с Женской Божественной красотой, которая разлита во всем мире, – эти идеи подхватили симво-

С.И. Тюляев и С.Н. Рерих. Дели, 1968

листы, а Соловьев – основоположник этого направления в русской поэзии, у него учился Блок. Людмила Васильевна написала о нем содержательную статью. Когда я начал заниматься Соловьевым, она, по-моему, в 2002 году, опубликовала статью «Рыцарь-монах» о Блоке. Блок написал о Соловьеве уже после его смерти, он с ним не общался, потому что родился в 1880 году, а Соловьев умер в 1900-м, значит, Блоку было тогда двадцать лет. Но он был весь пронизан творчеством Соловьева. И Людмила Васильевна сделала интересные наблюдения по проблемам русского символизма и творчества Владимира Соловьева. Христианский мистицизм очень близок к ин-

¹¹ Имеется в виду диссертация В.А. Росова «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)» (СПб., 2005).

дуистскому мистицизму, как всякое оккультное направление. Я Людмилу Васильевну люблю и считаю ее порядочным человеком, стойким и мужественным. Несмотря на возраст и всякие хвори, как и я, она стоит до конца в борьбе с неправдой, и в этом, как и в любви к Индии, мы очень с ней близки.

Возвращаюсь в год 1968-й. Нас торжественно встретили в Дели, потом был прием у премьер-министра Индиры Ганди. Каждый что-то ей рассказывал, и каждого она внимательно слушала, задавала вопросы. Чуйков показывал свои картины, она их с интересом смотрела. Потом была поездка по стране. Полетели сначала в Бомбей, потом в штат Кералу. Сопровождал нас президент Индо-советского культурного общества, многие годы бывший послом Индии в Советском Союзе, Кумар Падма Шивасанкар Менон. Встречали везде на высоком уровне – обязательно был премьер-министр штата, устраивали митинги, собрания, мы выступали, это был незабываемый праздник русской культуры – мы представляли разные направления науки, искусства, литературы и в непосредственном общении с индийцами ощущали всеми фибрами своей души, что наши слова и наши чувства сливаются в единый поток советско-индийской дружбы. Это было как бы воплощением рериховских идей о единых корнях индийцев и русских. Выступая перед индийцами, я говорил о том, что мы близки по языку, приводил примеры из церковно-славянского, древнерусского языка, где корни переплетаются с санскритом, рассказывал о восприятии индийской культуры в нашей стране, о переписке Льва Толстого и Махатмы Ганди. Это всегда вызывало огромный интерес. И то, что Шапошникова говорила тогда о Рерихе, индийцам было очень интересно слушать.

Об Индии 60-х годов прошлого века, о стремительных преобразованиях, которые происходили в этой стране после обретения независимости, о том, какими важными стали для Индии и всего мира гуманистические идеи Неру – принципы Панча Шила¹², Е.П. Чельшев не раз рассказывал в своих книгах. «...Я видел, как закладывался фундамент доменных печей в Бхилаи, как возводили плотину на реке Сетледж в Пенджабе строители гидроэлектростанции Бхакра-Нангал, как строился первый ядерный реактор в Бомбее. <...> На фундаменте, заложенном Дж. Неру, росла новая Индия. Эти “новые храмы”, как и по-

ражающие нас сегодня величественные сооружения прошлого, возводились простыми людьми Индии – талантливыми и трудолюбивыми, создателями одной из древнейших и совершенных в мире цивилизаций»¹³. Советская Россия конца 60-х была рядом с Индией во всех ее начинаниях. И потому так ценны для нас исторические свидетельства, не прочитанные в учебном пособии, а услышанные изустно.

– Это была незабываемая поездка, знакомство со страной, ощущение культурно-пересекающихся связей и взаимных интересов. Мы везде испытывали колоссальный интерес сами и видели, какой интерес вызывают наши выступления у индийской аудитории. Причем время-то было какое! Индия тогда была строительной площадкой. Строили 60 предприятий, где работали русские инженеры, приезжала масса русских студентов, то же самое было и у нас. Это был период бурного расцвета российско-индийской дружбы и братского сотрудничества. Нас встречали как самых близких и надежных друзей. И поэтому сейчас, когда все это стало у нас забываться, посещая Индию, я испытываю какую-то душевную боль, ностальгию по временам расцвета и бурного подъема в наших отношениях, когда мы бескорыстно помогали великому индийскому народу. Это была, повторю, именно бескорыстная, самоотверженная помощь – не то что мы были тогда очень богаты, нет, но отрывали от себя, чтобы восстановить их страну и помочь ей быстрее уйти от колониального прошлого.

Сегодня Индия стала великой державой. Я считаю, что для нас это – не зря прожитая жизнь, и мы внесли свой вклад в то, что Индия стала воистину великой, помогли индийцам с точки зрения экономической, гуманитарной и культурной. Как они воспринимали фестиваль советско-индийской дружбы, как отмечали годовщину Толстого и Ганди в 1969 году – это был всенародный праздник! Он был неформальным, не надо было загонять людей – они сами приходили. Помню вечер, посвященный первым переводам русской поэзии, мушайры, где проходили состязания поэтов на лучший перевод стихотворений Маяковского, Лермонтова, Пушкина. Помню поездку в Индию с Берды Кербабаяевым, Турсуном-заде, как открывалась для индийцев Средняя Азия. Их интересовало, как рождается новый человек в республиках Советского Востока. Они думали о себе, что даст им освобождение и каким будет новый гражданин

¹² Принципы *Панча Шила*, в разработке которых Дж. Неру принимал самое непосредственное участие, основаны на традиционной индийской концепции мира и ненасилия; легли в основу договора между Индией и Китаем, подписанного в 1954 году.

¹³ *Чельшев Е.П.* Памяти Джавахарлала Неру. Времен связующая нить. С. 598–599.

Индии, по-новому осмысливающий мир, с новым пониманием своей ответственности за все, что происходит в стране. Мне кажется, что это был особый период, я бы сказал, звездный час наших отношений с Индией.

Самыми важными для нас в те годы были встречи с людьми. Мы вели разговоры за жизнь, сидели вместе что-то обсуждать, раскрывали друг другу свои души. Мы посещали Тадж-Махал, Кутуб-минар, Фатахпур-сикри и др., делали фото, ездили на экскурсии. Было интересно увидеть экзотическую индийскую природу, животный мир – это нечто особенное, ни с чем не сравнимое, когда действительно видишь все своими глазами. Для меня это была пятая или шестая поездка по Индии, а для кого-то все это было впервые. Но важнее всего было общение. Помню, жену мою спросили в Дели, уже перед самым отъездом в Москву: «Что вам больше всего понравилось в Индии?» Она сказала: «Индийские дети». В самом деле – такие симпатяги! И тут, переговорив немножко между собой, индийцы сказали: «Можем найти вам, если хотите усыновить». И дочь Турсун-заде, молодая дама лет 30-ти, сказала: «Я с удовольствием взяла бы!» Все это было сказано в шутку, конечно. У нас дома сохранился подарок доктора Шанкара – видите, три обезьянки. Их подарил очень добрый, похожий на Корнея Чуковского старик, богатый человек. Он посвятил свою жизнь детям, у него было огромное предприятие, где делали детские игрушки. Шанкар выносил их нам со словами: «Это кому?» Увидев этих очаровательных обезьянок, жена воскликнула: «Это мне». Он каждому подарил какую-то красивую индийскую куклу или индийского слона разукрашенного. Эти обезьянки – символ индийской мудрости «Ничего не слышу, ничего не вижу, ничего не говорю» – вот уже полвека стоят на полке в моем кабинете.

Дружеские встречи навсегда остались в памяти. У меня до сих пор хранится папка, там масса визитных карточек – сейчас они уже, конечно, отжили свое, но с них начались отношения, дружба, общие дела. В Москве наш дом всегда был «домом приемов» для индийских писателей, ученых: приезжая в Москву, они обязательно посещали квартиру Челышевых, и Елена Владимировна была самой приветливой хозяйкой.

Чтобы закончить тему, скажу, что наш младший сын Дмитрий – тоже индолог, работает в Индии, кандидат исторических наук и дипломат, советник по вопросам культуры и информатики. Много лет своей жизни он посвятил работе в Индии. В 1967 году Москву посетил известный общественно-политический деятель Индии Джаяпракаш Нараян. Я сопровождал его в поездке по Москве с сыном, тогда 13-летним мальчиком. Дис-

сертация Дмитрия посвящена взглядам и деятельности Д. Нараяна. И жена его, Ирина, кандидат философских наук, тоже продолжает семейную традицию: защитила диссертацию по индийской философии и опубликовала недавно интересную книгу «Гималаи божественные и земные», в которой рассказала о путешествии с мужем и сыном по Гималаям. Тема Гималаев – символа величия, символа красоты Индии в этой книге связана с Рерихами. Ирина была в музее и подарила эту книгу Людмиле Васильевне Шапошниковой. Она высоко оценивает деятельность Музея Рерихов и книгу свою посвятила художественно-мифологической теме, которая проходит через все Гималаи. Самое знаменательное, что и их сын Андрей, мой младший внук, окончил МГУ, защитил кандидатскую диссертацию по индийской истории. Это, как говорится, мои последователи, они развивают наши семейные индологические традиции, и я очень рад их успехам.

Пандит Джавахарлал Неру и деятели культуры, награжденные премией его имени, навсегда связаны с отечественной историей обеих стран, с ее лучшими страницами. Благодаря преемственности, памяти, перетекающей через поколения, все, что утрачено в отношениях Индии и России, – восстанавливается, и Россию и Индию на новом этапе их совместной истории ждет новый звездный час. В этом уверен действительный член РАН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии имени Джавахарлала Неру, премии Свами Вивекананды, член бюро Индийского философского общества, член Азиатского общества в Калькутте, удостоенный в 2002 году одной из высших наград Индии – Падма Бхушан (орден Лотоса) за вклад в развитие российско-индийских научных и культурных связей Евгений Петрович Челышев. Он говорит на прощание:

– Любовь к Индии пронизывает всю мою жизнь. Вот и сейчас меня пригласили поехать в Индию как гостя Индийского правительства: избрали меня почетным членом Литературной академии Индии, президент Индии наградил меня самым высоким орденом – орденом Лотоса. И еще наградили академика Гурия Ивановича Марчука за то, что он развивает научные связи с Индией. Врачи не советуют, перемена климата, температуры, давления, но мне хочется, – я с 1955 года сорок раз был в Индии, но научных планов больше, чем возможностей их реализации. Пока нахожусь в рабочей форме, но ведь недавно стукнуло 88! Представляю, как хочется Шапошниковой снова поехать. И я уверен, что и ей врачи не будут рекомендовать, но она – все равно поедет.

Сентябрь 2009 г.